

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ГЕРМАНИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ, МЕДИА, ОБЩЕСТВО

Ю. В. Балакина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
603155, Россия, Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, 25/12

Поступила в редакцию 08.06.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5
© Балакина Ю. В., 2022

Пандемия COVID-19 представляет собой серьезный вызов для всего мирового сообщества. Для сдерживания распространения инфекции страны по всему миру были вынуждены вводить различные ограничительные меры, что неминуемо вызвало недовольство общественности. Одной из стран, где были введены одни из самых болезненных мер, стала Германия. В условиях кризиса своевременная и достоверная информация является необходимым условием для мотивации общества соблюдать ограничительные меры. Таким образом, видится особенно актуальным проследить, как руководство Германии путем определенных информационных кампаний и стратегий пыталось сдержать недовольство общественности вводимыми ограничениями. Цель представляемой теоретической работы — систематизировать имеющиеся данные об информировании населения в Германии, сопоставить их с данными из РФ и определить наиболее удачные стратегии и слабые места в коммуникации. В итоге можно заключить, что необходимо диверсифицировать каналы коммуникации между властью и обществом, задействовав все доступные средства трансляции, а также привлекать экспертов и лидеров мнений, которые пользуются большим доверием, чем политические деятели. Кроме того, усилия должны быть направлены на борьбу с дезинформацией и замалчиванием не имеющих доказательств фактов. Полученные данные могут быть использованы в реализации информационных кампаний в ходе будущего мирового кризиса.

Ключевые слова:

COVID-19, Германия, информационные кампании, медиа, информирование о рисках, информационная политика РФ

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции, распространившаяся по всему миру за считанные месяцы 2020 года, представляет собой один из самых серьезных вызовов обществу в Новейшей истории. Меры, принимаемые мировой общественностью по сдерживанию пандемии, оказали беспрецедентное влияние на все сферы жизни: экономику, систему здравоохранения, социальную сферу и образование, политику и средства массовой информации, а также психологическое состояние общества. Ведущая экономика Европы — Германия — также ощутила на себе негативные последствия пандемии.

Для цитирования: Балакина Ю. В. Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 83–101. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5.

В конце января 2020 года в Германии были выявлены первые случаи заболевания COVID-19, после чего в середине марта 2020 года последовал сначала медленный, а затем экспоненциальный рост числа подтвержденных случаев [1], что побудило правительство ввести ряд правил и ограничений, чтобы сдержать распространение инфекции. Такие меры включали, например, закрытие образовательных и детских учреждений, а также учреждений культуры¹. Ввод указанных ограничений ознаменовал начало первого локдауна.

Неопределенность в отношении нового вируса, страх перед инфекцией, нарушение привычного уклада жизни общества — вызовы, с которыми столкнулось руководство страны. В своем обращении к нации 18 марта 2020 года Ангела Меркель подчеркнула приоритет проблем, связанных в первую очередь с прямыми последствиями коронавируса, а именно — перегрузкой здравоохранения, отсутствием лекарств и вакцин. Акцент был также сделан на вторичных проблемах (вытекающих из первых) — последствиях изоляции и социального дистанцирования, последствиях для бизнеса, угрозах для экономики в целом. Кроме того, канцлер определила локдаун и изоляцию как угрозу фундаментальным демократическим ценностям, а в качестве рекомендации был озвучен призыв к консолидации общества, следованию рекомендациям и правилам социального взаимодействия [2].

В целом во время первого локдауна негативные изменения в своей жизни ощутили на себе если не все жители Германии, то подавляющее большинство. Почти три четверти опрошенных (73 %) заявили, что они поддерживали других людей, попавших в сложную ситуацию, посредством помощи в совершении покупок, уходе за детьми или эмоционально [3]. Это означает, что даже если респонденты лично не пострадали от негативных последствий, то они наблюдали проблемы в своем окружении.

С начала апреля 2020 года протестующие против ограничительных мер, предлагаемых правительством, заполнили улицы Германии. Это были те люди, которые чувствовали угрозу в отношении своих основных прав, которых объединяло чувство глубокого недоверия к проводимой политике и традиционной медицине, подозревающие заговор групп, стоящих за пандемией, а также те, кто распространял правозащитные идеи. Разрозненные протестные движения к лету 2020 года организовались в национальное движение «Querdenken», выступающее против политики ограничений [4]. Опрос участников протестов в Констанце 4 октября 2020 года показал, что оценка политических мер по борьбе с пандемией и риска вируса играет главную роль в протестных движениях. Только каждый пятый респондент считал, что экспертам можно доверять, когда они говорят, что вирус представляет опасность. В то же время почти все респонденты (93 %) оценивали меры правительства по борьбе с пандемией как избыточные [5]. Кроме того, подавляющее большинство участников отмечали сильное негативное влияние пандемии на работу, семью и основные права. Таким образом, угрозы сложившемуся укладу жизни вызывали у людей чувство недоверия и протеста.

В рамках значительного количества исследований было доказано, что осознание людьми риска является основным предиктором для реализации рекомендуемого поведения, направленного на защиту здоровья [5—9]. Однако это осознание при отсутствии четких алгоритмов действий, направленных на их минимизацию, порождает чувство страха, которое приводит к панике, в то время как своевременная и достоверная информация о рисках направлена на упорядочивание страхов [10]. Кроме осознания риска стоит также отметить уровень доверия к поли-

¹ *Bundesgesundheitsministerium, 2020, Coronavirus SARS-CoV-2: Chronik der bisherigen Maßnahmen, URL: <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/coronavirus/chronik-coronavirus.html> (дата обращения: 07.05.2022).*

тическим институтам и СМИ, транслирующим информацию. Опыт предыдущих форс-мажорных ситуаций показывает, что достаточно часто население за трагические последствия катастроф и эпидемий считает ответственной именно власть [11]. Проведенные исследования показали, что население может не понимать опасности пандемии гриппа, тем не менее доверять правительству в его действиях [12]. Недоверие в условиях эпидемии (на примере гриппа) влечет социальную напряженность [13], а противодействие действиям правительства во время пандемии (на примере пандемии H1N1) связывают с ценностями сопротивляющегося общества [14].

Данные «Моментального мониторинга COVID-19 (COSMO)» среди жителей Германии указывают на роль общественного доверия к учреждениям в прогнозировании приверженности рекомендуемому поведению, защищающему здоровье, и в эффективном восприятии риска [9]. Уровень доверия к политике и науке является ключевым фактором, определяющим соблюдение правил охраны здоровья [15], а доверие к органам здравоохранения и поиск информации о вирусе в государственных СМИ или на веб-сайтах органов здравоохранения положительно связаны с восприятием вируса как угрозы для здоровья [5]. Осознание обществом того, какие меры предосторожности существуют и из каких источников можно получить достоверную информацию, в значительной степени предсказывало отношение общественности к действиям правительства, подчеркивая важность коммуникаций в области здравоохранения [16].

Таким образом, с учетом негативного влияния локдауна на качество жизни физических лиц, а также зарождающихся протестных движений, призванных окончательно подорвать доверие к ограничительным мерам, первоочередной задачей властей должны были стать действия, направленные на последовательное и своевременное информирование о рисках и пользе ограничительных мер, а также на повышение доверия к информации, транслируемой политическими деятелями и официальными СМИ. С другой стороны, можно также предположить, что чувство недоверия подкреплялось большими объемами дезинформации, распространением теорий заговора, а также неопределенностью по причине отсутствия результатов исследований новой инфекции. Этим двум аспектам также должно было быть уделено внимание со стороны руководства страны.

Принимая во внимание перечисленные выше факты и события, актуальность представляемого исследования основываем на следующих положениях:

— пандемия COVID-19 — первый масштабный мировой кризис в новейшей истории. Результаты исследований показывают, что были допущены определенные ошибки в коммуникации «власть — общество», повлекшие за собой протестные движения и снижение уровня доверия, что поставило под угрозу как саму власть, так и общество;

— текущие события в мире говорят о том, что необходимо учесть выявленные недостатки кризисной коммуникации в период пандемии, чтобы в будущем суметь обеспечить достоверную и своевременную коммуникацию по каналу «власть — общество».

Цель представляемой статьи заключается в попытке систематизировать результаты научных исследований о мерах, предпринимаемых правительством Германии в информационном пространстве по формированию лояльности к политике ограничений, выявить недостатки и успешные стратегии и сопоставить полученные данные с информационной политикой РФ в период первой волны коронавируса.

Выборка научных публикаций для обзора формировалась по ключевым словам: *Germany COVID*, *Germany pandemic*, *Germany media COVID*, *Germany COVID communication*, *ковид сми*, *пандемия информирование*. Поиск осуществлялся на официальных сайтах издательств *Elsevier*, *Wiley*, *Springer*, *Sage*, *Oxford University*

Press, Cambridge University Press (доступ предоставлен НИУ «Высшая школа экономики»), а также *CyberLeninka* и *eLibrary* и охватывал период с февраля 2020 года по ноябрь 2020 года.

Анализ и классификация работ осуществлялись исходя из следующей логики:

- обзор реализуемых правительством мер просветительского характера, направленных на повышение уровня лояльности к вводимым ограничениям;
- роль СМИ, социальных сетей и мессенджеров в укреплении доверия между государством и обществом;
- обзор результатов информационных кампаний на примере определенных поведенческих паттернов и настроений в обществе;
- сопоставление проводимой в Германии и РФ информационной политики.

Информационные кампании правительства Германии

Как уже было отмечено выше, проводимая властями Германии политика ограничений во время первой волны коронавируса оказала существенное негативное влияние на социально-экономическую сферу. Таким образом, действия, направленные на повышение лояльности общественности к вводимым ограничениям, должны были быть направлены на артикуляцию в институциональном дискурсе следующих ключевых идей: сплоченность общества против инфекции, осознание последствий вводимых ограничений (как личных, так и для общества в целом), а также достаточная аргументация в отношении эффективности принимаемых мер [17]. Так, чувство единства должно побуждать людей соблюдать ограничительные меры, а информирование о последствиях и пользе ограничительных мер позволит убедить людей в том, что они действуют на благо общества [18]. Кроме того, подчеркивание индивидуальной ответственности и уязвимости также может считаться многообещающим способом повышения просоциального поведения [18].

В Германии сразу после выявления первого инфицированного 27 января 2020 года была проведена информационная кампания, которая основывалась на рекомендациях по повышению внимания к гигиене рук и заверениях населения в том, что изоляция инфицированных хорошо помогает сдержать распространение вируса [19].

Далее на протяжении всего периода до начала марта общественный дискурс был в значительной степени сформирован Институтом Роберта Коха (RKI) — общенациональным агентством по мониторингу здоровья федерального правительства Германии, ответственного за изучение и профилактику инфекционных болезней. На начальном этапе основные рекомендации RKI в основном были общими по мерам предосторожности, типичным для любого сезона гриппа [20]. Основные цели информирования о рисках сводились к следующим пунктам: снижение заболеваемости и смертности; уход за больными людьми; поддержание нормального функционирования основных услуг, предоставляемых населению; своевременное информирование населения лицами, принимающими политические решения, специалистами и СМИ [21]. Кроме того, на главной странице официального сайта RKI размещалась информация на немецком и английском языках, проводились регулярные (обычно раз в две недели) пресс-конференции по цифрам заражения, передачи и смертности.

Ситуация с информированием общественности не менялась до конца февраля, когда число подтвержденных случаев заражения начало расти и, в частности, сформировались несколько локальных горячих точек, где скорость распространения инфекции вызывала особое беспокойство. Однако ближе к середине марта, когда

был зарегистрирован резкий рост числа инфицированных, а также первая смерть (12 марта) правительство выпустило рекомендации по социальному дистанцированию, а 17 марта Германия закрыла границы.

Ангела Меркель 18 марта 2020 года выступила с речью, определив ковид как угрозу. Обращение к нации было построено таким образом, чтобы у общества сложилось впечатление, что канцлер контролирует развитие пандемии и отдает себе отчет в реализации институциональных ответов на нее [22]. Вслед за Меркель и другие многочисленные политические и общественные деятели Германии весной 2020 года устраивали перформансы, направленные на демонстрацию контроля над ситуацией. В то же время оппозиция оспаривала федеральные и региональные институциональные меры реагирования на пандемию посредством инсценирования и транслирования контрперформансов в виртуальном и публичном пространстве, чтобы продемонстрировать свое неприятие институциональных претензий на контроль и представление себя в качестве исполнителей контроля [22]. В целом можно отметить неоднозначность транслируемой властями информации, а также неопределенность правительственной коммуникации, что может объяснить общую тенденцию к снижению доверия и предполагаемой эффективности внедряемых ограничений [23].

Кроме политических деятелей органы здравоохранения также несут ответственность за повышение осведомленности и распространение знаний о пандемии среди населения, даже среди тех групп, кто готов отказаться от всех рекомендуемых мер. Кроме того, ключевой задачей органов здравоохранения является определение превалирующих каналов, по которым они могут осуществлять информирование, а также обеспечение информационной доступности для тех групп, кто не использует государственные СМИ или веб-сайты органов здравоохранения в качестве источника информации о коронавирусе [23].

В Германии в ответ на пандемию COVID-19 были организованы сети сотрудничества, включающие существующие структуры, в том числе научные консультативные советы, профессиональные ассоциации (Fachgesellschaften), а также формальные и неформальные рабочие группы и комитеты, базирующиеся в университетах и исследовательских институтах, таких как институты Макса Планка и национальный институт общественного здравоохранения (Институт Роберта Коха), для обеспечения общественности полной и достоверной информацией. В ситуации неопределенности на начальном этапе кризиса политические институты были зависимы от научных экспертов, так как недостаток достоверного научного знания должен был быть компенсирован для оправдания принимаемых политических решений и мер [24]. Эксперты, являющиеся членами рабочих групп и комитетов, отмечают, что политики «использовали» советников для оправдания политических решений, особенно в отношении непопулярных ограничений. С другой стороны, в случае, когда возникала необходимость со стороны научного сообщества повлиять на политику, эксперты обращались к СМИ, что в итоге позволило общественности получать необходимую информацию, а экспертам — косвенно влиять на политиков, чтобы их голос был услышан [25]. Так академики и ученые приобрели общенациональную известность, подобную известности комментаторов СМИ или телеведущих, они стали «лицом» кризиса. Их прямолинейный стиль общения помог успокоить взволнованную общественность и укрепить доверие и понимание того, почему необходимо соблюдать введенные правительством меры [26]. Например, известный вирусолог Кристиан Дростен, директор Института вирусологии при больнице Шарите в Берлине, ежедневно проводил на YouTube лекции, которые смотрели миллионы людей, в том числе за пределами Германии [27].

Также власти активно задействовали социальные сети, привлекая экспертов для больших охватов, так как эксперты имеют значительное количество подписчиков,

и аудитория получает более внушительный объем информации за счет постов и лайков. Кроме того, эксперты имеют большую возможность взаимодействовать с пользователями, например, Twitter напрямую по сравнению с властями [28].

Для информирования также были использованы приложения для обмена сообщениями, в частности для общения с молодыми гражданами. Согласно онлайн-исследованию ARD-ZDF 2019 года, 63 % населения ежедневно пользуются мессенджером WhatsApp, а в группе от 14 до 29 лет этот показатель составил 90 %. Сотрудничая с правительством и размещая официальную информацию, платформы социальных сетей и мессенджеры могут способствовать восстановлению доверия и обеспечению обмена надежной информацией [29]. Так, был создан информационный канал в Telegram «Corona-Infokanal des Bundesministeriums für Gesundheit», через который осуществлялась рассылка в форме push-сообщений всем пользователям Telegram, включая обновления о пандемии, а также мини-проверки на достоверность фактов [30], что оказывало определенное противодействие распространяемой дезинформации.

Медиа

Медиа, являясь основными посредниками между государством и обществом, были активно вовлечены в информирование населения о рисках, угрозах и последствиях.

В контексте потребления информации обществом во время пандемии наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, исследователи говорят о росте медиапотребления в Германии, а именно телевидения, который составил до 75 % в марте 2020 года, а длительность просмотра увеличилась на 18 минут. Также исследователи отмечают возросший интерес к телевидению со стороны молодежи. Данная тенденция объясняется стремлением к потреблению достоверной информации, а также развлекательного контента (чтобы отвлечься). В итоге уровень доверия к телевидению среди населения вырос и достиг 67 % [31]. В сфере онлайн-медиа наблюдаются похожие тенденции. Так, 71,4 % респондентов подтвердили увеличение потребления онлайн-медиа во время локдауна. Мужчин чаще интересовали игры и эротический контент, в то время как женщины обращались к социальным сетям, поиску информации и стриминговым платформам [32]. Однако, несмотря на рост доверия к телевидению, глубокое недоверие к авторитетным СМИ, сложившееся до пандемии, отражается на выборе источников получения информации о ковиде. Так, 90 % респондентов получают информацию посредством собственного поиска и исследования в Интернете, 52 % — из групп Telegram или WhatsApp, а также от друзей или семьи (52 %). Напротив, газеты (42 %), а также телевидение и радио (32 %) играют второстепенную роль. Мобилизация для протестов также в основном осуществляется через Telegram и WhatsApp (62 %), другие социальные сети (42 %) и друзей (48 %) [3].

С другой стороны, исследователи отмечают тенденцию избегания информации. Среди предикторов избегания называют личное отношение и перегруз информацией [33]. Так, например, 56 % опрошенных были выбиты из колеи информационным потоком [34].

Таким образом, кажется логичным предположить, что потребители контента СМИ (как традиционных, так и онлайн) сталкивались с определенными трудностями в процессе фильтрации информации в потоке, а именно с идентификацией достоверности и полезности получаемых из СМИ сведений о коронавирусе². Для

² Novel Coronavirus (2019-nCoV) — Situation Report 13, 2022, *World Health Organization*, URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

20,9% было сложно решить, как защитить себя от заражения коронавирусом на основании информации СМИ. Еще больше граждан (32,1%) сообщают, что сложно использовать данную информацию для принятия решения о том, как действовать в случае заражения коронавирусом. При этом 47,8% участников опроса отмечают, что им сложно или очень сложно судить о том, могут ли они доверять информации СМИ о коронавирусе [34]. В целом доля дезинформации о здоровье в СМИ составила 47% и была сфокусирована на политических деятелях и вакцинах [35]. Однако при анализе выборки дезинформации, проверенной фактами, около двух третей исследованных случаев не содержали полностью выдуманной информации, скорее ее содержание было искажено или реконтекстуализировано. Наиболее частыми были ложные или искаженные заявления о планах или мерах государственных или международных органов, таких как ООН и ВОЗ (39% расследованных случаев). Фрагменты дезинформации знаменитостей о COVID-19, хотя и немногочисленные, имеют большое влияние, поскольку они распространяются все чаще (на начало мая 2020 года) [36].

В Германии большую роль в коммуникации и обмене информацией играли печатные СМИ, общественное телевидение и радио. Оба государственных телеканала ARD и ZDF предоставили достаточно места для интенсивного информирования и дискуссий на протяжении нескольких часов в неделю. Были приглашены основные сторонники, а также критически настроенные люди, выступающие против основных стратегий правительства. Включение нескольких мнений, в том числе вирусологов и эпидемиологов, а также политиков и других представителей гражданского общества, экономистов, политологов, философов и специалистов по этике позволило общественности следить за сложностью процесса принятия решений [37]. Исследователи отмечают, что доминирующими источниками информации о коронавирусе в СМИ были политические деятели, что указывает на использование СМИ государственными институтами для информационных кампаний. Кроме того, отмечается, что ученые и деятели образования были самой упоминаемой группой на пике первой и второй волн, а гражданские источники информации набирали популярность во время первой волны, когда протесты стали выливаться в организованные движения [38].

Наряду с распространяемой дезинформацией чувство недоверия граждан также подкреплялось распространением теорий заговора. В качестве примера здесь стоит упомянуть точку зрения немецкого подвижника правды, члена организации «Врачи за просвещение» Хайко Шёнинга. Он считает, что причины пандемии были сугубо экономическими. Крупные корпорации десятилетиями планировали экономический крах 2020 года. Поэтому, по его мнению, вирус не несет повышенного риска, а принимаемые меры преувеличены и для многих людей даже опасны для жизни [39].

Еще одно «слабое звено» информационной политики — недостаток проверенной информации. Когда факты неясны, лица, определяющие политику, и эксперты в области здравоохранения предпочитают избегать сообщений о научной неопределенности, опасаясь, что неопределенность породит недоверие. Тем не менее представление неопределенных аспектов пандемии как определенных может негативно повлиять на доверие граждан и соблюдение мер по сдерживанию, если эти отчеты впоследствии окажутся недействительными [40]. Данные показывают, что большинство респондентов отдали предпочтение открытому информированию о научной неопределенности в контексте пандемии COVID-19. Для тех, кто в настоящее время скептически относится к правительственным мерам сдерживания, сообщения, выражающие неуверенность, оказались особенно эффективными для мотивации соблюдения мер. Таким образом, можно говорить о том, что признание

научной неопределенности и информирование общественности о ней способствуют укреплению доверия [40]. В отношении качества информации, транслируемой в СМИ, можно заключить, что прямолинейная и понятная информация о неопределенных знаниях в СМИ сформировала доверие к науке, в то время как некоторые живые выступления исследователей создавали определенный риск ошибочной интерпретации. Некоторые газеты и социальные сети злоупотребляли достоверными научными процессами для создания образа непрофессиональных ученых, где на первый план выдвигались личные конфликты [41].

В контексте трансляции рисков и угроз с целью побудить население соблюдать ограничительные меры стоит отметить, что немецкие СМИ действовали достаточно агрессивно. Так, доля темы «ковид» в новостях в период с января 2020 года по ноябрь 2020 года составила 23,3%, в то время как общий объем транслируемой негативной информации — 87,9%. Таким образом, СМИ едва ли давали надежду на лучшее, продолжая вещать максимально интенсивно и негативно [42]. В целом информационная повестка СМИ соответствовала определяющим критериям сдерживания пандемии. Однако недавнее исследование в Германии показало, что вызывающее чувство тревоги освещение пандемии в СМИ подвергается критике со стороны как умеренных противников, так и сторонников мер по сдерживанию распространения COVID-19 [23].

Общество

Обращаясь к восприятию обществом рисков и угроз для здоровья и жизни, связанных с коронавирусом, в начале пандемии, стоит отметить прямую взаимосвязь между правительственными кампаниями и вводимыми ограничениями. Так, исследователи в [43], проведя опрос общественного мнения в критический период в начале пандемии в Германии (с 10 по 24 марта), отмечают, что с первого дня и далее страх, связанный с COVID-19, а также поведение, направленное на соблюдение мер предосторожности, демонстрируют явный подъем с пиком через один день после объявления государственных ограничений и урезания индивидуальных свобод. Этот страх достигает пика во второй раз через один день после выступления канцлера. Наряду с этим доверие к правительственным мерам по снижению распространения COVID-19 возрастает со дня их осуществления. Таким образом, очевидно, что субъективно воспринимаемый риск завышен по сравнению с существующими показателями заболеваемости, что может быть результатом ощущения угрозы, что, в свою очередь, влечет за собой рост доверия к государственной политике, транслируемой не только через социальные сети и СМИ, но и через публичные выступления.

Однако если восприятие угрозы и индивидуальный риск заражения неуклонно снижались с течением времени, то субъективная оценка риска тяжелого заболевания в случае инфекции, а также чувство контроля над инфекцией со временем остаются более стабильными. Таким образом, неуклонное снижение чувства угрозы и предполагаемого риска может быть одним из объяснений того, почему изоляция со временем постепенно теряла общественную поддержку, поскольку чем сильнее люди чувствовали угрозу, тем более высокую степень поддержки они оказывали политике локдауна и тем более позитивной была их общая оценка его преимуществ [19].

В целом отмечается высокая вера в эффективность принимаемых правительством мер по сдерживанию в начале пандемии. Так, полный локдаун поддержали 77% респондентов, а внедрение таких мер, как запрет на собрания, закрытие отдельных заведений, мытье рук и ношение масок — от 94 до 98% опрошенных

[44]. На пике первой волны и вскоре после введения строгих карантинных мер общественность достаточно позитивно оценивает политику и в целом поддерживает мнение о том, что социальные выгоды от карантина перевешивают его экономические издержки [19]. Однако уже к маю около 50 % населения Германии считают, что локдаун имеет больше негативных, чем позитивных последствий [19].

Кроме того, отмечается прямая связь между доверием к власти и чувством удовлетворенности жизнью. Так, люди с низким докризисным уровнем доверия к институтам власти (правительство, суды, СМИ) сообщают о резком снижении удовлетворенности по сравнению с людьми с более высоким уровнем. Такая тенденция имеет отношение к объяснению роли государственных институтов во время кризиса и может служить основой для вмешательств, направленных на укрепление доверия и повышение общей удовлетворенности [45].

Усилия, направленные на формирование сплоченности общества перед лицом вируса, привели к следующим результатам. Исследования показывают, что групповая солидарность в обществе была основана на индивидуальной солидарности и продвигалась через признание общей цели, общих ценностей или других общих дел, включая групповые усилия по борьбе с пандемией. Однако было выявлено несколько факторов, подрывающих основу солидарности в обществе. Первый фактор — наличие существенных разногласий между теми, кто соблюдает меры и ограничения и желает им следовать, и теми, кто отказывается продвигать общую цель. Кроме того, на солидарность может влиять факт противоречия групповой солидарности интересам близкого круга [46].

В отношении глобальной солидарности было отмечено, что те, кто доверяет правительству, — оказывают доверие глобальным мерам. Однако, когда уровень личной тревоги повышается и одновременно снижается уровень доверия правительству, общественная поддержка глобальной солидарности может ослабнуть [47].

Что касается локальной солидарности, то данные показывают, что каждый второй житель Германии предоставлял какую-либо помощь другим в разгар локдауна первой волны. Примечателен тот факт, что примерно четверти механизмов оказываемой помощи не существовало до пандемии. Однако и здесь, как и в случае с экономическими последствиями, было выявлено явное социальное неравенство. Так, люди с высшим образованием чаще помогали другим, а люди с более высокими доходами — своим родственникам, а не остальным людям [48].

Те или иные различия наблюдались не только в объеме оказываемой другим помощи, но также, например, и в восприятии рисков, уровня доверия и превентивного поведения. Так, информирование о рисках и выгодах во время пандемии должно быть адаптировано к различным потребностям социальных групп, чтобы преодолеть образовательное неравенство [49]. Данные, касающиеся этнического неравенства в восприятии рисков, показывают, что в целом пандемия его не усугубила. Однако респонденты турецкого и югославского происхождения демонстрируют более высокий уровень восприятия риска для здоровья и финансов, чем немцы. Для азиатов же существенен риск для здоровья, но не для финансового благополучия [50].

На фоне информационных кампаний не удалось избежать и ковид-ассоциированной дискриминации, которая значительно усилилась с начала пандемии COVID-19. Как и в некоторых других странах, в Германии лица азиатского происхождения чаще подвергались дискриминации с момента вспышки пандемии. Также исследователи установили связь между числом случаев заражения ковидом и усиливающейся дискриминацией в отношении национальных групп. Так, респонденты (северо- или южноамериканского, азиатского происхождения, из бывшего СССР) чаще сообщали о ковид-ассоциированной дискриминации, когда число инфекций в их административном районе проживания увеличивалось [51].

Информационная политика и общество в РФ

В Российской Федерации и в Германии был выбран схожий подход к борьбе с коронавирусной инфекцией, а именно было принято решение дожидаться определенного уровня заражений, а после приступить к внедрению мер по сдерживанию распространения инфекции [52].

Коммуникация от первого лица государства в России была интенсивнее, чем в Германии. В то время как Меркель обращалась к нации единожды в начале пандемии, было зафиксировано семь выступлений президента России, включающих как прямое обращение к нации, так и трансляцию рабочих совещаний.

Первые случаи заражения в РФ были зафиксированы в конце января, и крупные новостные порталы были первыми, кто попытался представить объективную информацию, ссылаясь на политических лидеров. Так, Vedomosti представили перечень предпринимаемых правительством действий, а Lenta.ru — подробное описание состояния заболевших [53].

В отличие от Германии, где инфодемия хотя и была отмечена, однако не приобрела таких беспрецедентных масштабов, в Российской Федерации начиная с января 2020 года было зафиксировано около 2 млн репостов различного рода недостоверных сообщений, касающихся коронавируса. Большинство таких сообщений представляли собой слухи и конспирологические теории. В итоге в апреле были даже внесены поправки в УК РФ ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». Западные исследователи отмечают, что частично ответственность за распространение дезинформации лежит на властях [54], и эта дезинформация объясняется необходимостью распространения пропаганды против стран Запада.

В то время как уровень доверия к СМИ в Германии вырос в начале пандемии, в РФ отмечается его существенное снижение. По данным Левада-центра*, уровень недоверия к СМИ достиг 59 % [55], также отмечается спад доверия к телевидению. В то же время в РФ, как и в Германии, растет доверие к социальным сетям и мессенджерам как альтернативным источникам информации. Для того чтобы повысить уровень доверия, российские СМИ прибегали к тактике использования в своих материалах информации из интернет-источников [55].

Представляемая российскими СМИ информация была зачастую противоречива (особенно в начале пандемии, когда уровень неопределенности был необычайно высок). Так, отмечается, что на федеральном Первом канале неоднократно происходила смена представляемых позиций, что только усиливало ощущение неопределенности у аудитории и в итоге приводило к снижению уровня доверия к СМИ и к власти. С другой стороны, не наблюдалось прямого оппозиционирования проводимой властями политике, была выявлена лишь непрякая и лаконичная критика власти [56], что заставляло критически настроенных людей обращаться к альтернативным источникам информации. В Германии же, как уже было сказано выше, официальные СМИ были площадкой для дискуссий и критики.

В то время как в Германии в ходе протестных движений люди выходили на улицы, в РФ помимо немногочисленных протестных акций офлайн была зафиксирована новая модель протестной активности — виртуальные акции протеста. В обеих странах основания для протестных движений отмечаются схожие — негативное влияние ограничительных мер на экономический сектор и, как следствие, снижение уровня жизни населения. Несмотря на различие в подходах освещения необходимости следования ограничительным мерам, в обеих странах население воспринимало эти меры как избыточные и неадекватные [57].

*НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ВЫПОЛНЯЮЩАЯ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

Стоит также отметить, что в качестве альтернативы «провластным» СМИ в России, как и в Германии, особой популярностью пользовались авторские каналы, представляющие экспертное мнение или взгляды «лидеров мнений». Здесь можно отметить фигуру Д. И. Проценко — главного врача ГБУЗ «Городская клиническая больница № 40».

В целом можно заключить, что информационные кампании в России и Германии определялись государственной политикой и, соответственно, имели больше различий, чем общих тенденций. Однако, проанализировав имеющиеся данные, можно выделить ключевую тенденцию, которая если не способствовала поддержанию уровня доверия и беспрекословного соблюдения ограничительных мер, то по крайней мере позволяла поддерживать их на приемлемом уровне. Тенденция заключается в диверсификации каналов коммуникации с акцентом не на прямую коммуникацию по каналу «власть — общество», а на опосредованную, с привлечением лидеров мнений и экспертов, транслирующих информацию через СМИ и доступные социальные сети и мессенджеры.

Заключение

С учетом растущей актуальности кризисной коммуникации в мировом информационном пространстве в данной статье была сделана попытка на примере Германии проанализировать возможности информационного канала «государство — общество» с целью выявить успешные стратегии и слабые стороны.

Исследование основывалось на следующих положениях. Приверженность стратегиям коммуникации риска в начале пандемии была первоочередной задачей правительства. Ключевые элементы коммуникации — формирование доверия аудиторию к источнику информации и достоверность информационного контента.

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Учитывая тот факт, что субъективно воспринимаемый риск был явно завышен и не зависел от объективной статистической информации о количестве заражений и смертей, можно заключить, что в Германии благодаря комплексному подходу к информированию удалось в дискурсе сформировать у общественности ощущение угрозы и рисков, достаточное для формирования лояльности к вводимым ограничениям, а также удержать необходимый уровень доверия правительству во время первого локдауна. Эти цели были достигнуты преимущественно за счет опосредованных каналов коммуникации с привлечением экспертов и лидеров мнений, так как в ситуации неопределенности и недостатка достоверных данных доверие вызывают специалисты, напрямую вовлеченные в процесс. Кроме того, опосредованная коммуникация через социальные сети и мессенджеры, имеющие схожие недостатки в представлении информации, пользовалась большим авторитетом. Здесь определенную роль сыграли допандемийные тенденции. Таким образом, стратегия «запуливания» имела определенный успех в первую волну пандемии, так как чувство страха формирует соответствующее отношение общественности и поведенческие паттерны. В случае COVID-19 локдаун и политика сдерживания были введены достаточно быстро, до того, как общественное мнение по данному вопросу успело сформироваться. В результате этот факт позволил властям в весьма агрессивной форме навязать общественности определенные установки и оценки.

Можно также заключить, что прямая коммуникация «власть — народ» в Германии не была успешна по причине сложившегося до пандемии недоверия к официальным каналам и широко представленного мнения оппозиции.

Также стоит отметить тот факт, что дезинформация — это, возможно, основной фактор, подрывающий доверие граждан к ограничительным мерам. Так, в начале

пандемии, когда поступал минимум информации, уровень доверия определялся как высокий, но по мере увеличения объема дезинформации и субъективных мнений СМИ довольно быстро утратили доверие общества как надежный источник информации и воспринимались больше как источник развлекательного контента.

В целом видится необходимым вовлечение в процесс кризисной коммуникации всех доступных средств доведения информации до общественности, так как предпочтения и доступность информации существенно различаются по социальным группам (возраст, образование, определенные убеждения, политическая ориентация).

Остается открытым вопрос о транслировании неопределенных и не имеющих доказательств (по объективным причинам) фактов, так как собранные к настоящему моменту данные достаточно противоречивы. Здесь мы скорее согласимся с мнением, выраженным в [10], о том, что отсутствующие данные и неопределенность в отношении определенной проблемы следует неоднократно и явно указывать в статистике.

Очевидно, что пандемия новой коронавирусной инфекции как первый мировой кризис подобного масштаба в Новейшей истории застала врасплох как мировые институты, так и гражданское общество. С другой стороны, пандемия может рассматриваться как платформа для внедрения определенных технологий и стратегий, регулирующих взаимоотношения между властью и обществом. Как показывают результаты исследований, медиа во всем их разнообразии — наиболее эффективный инструмент кризисной коммуникации. Таким образом, необходимо углублять исследования, направленные на триангуляцию власти, медиа и общества, с тем чтобы выйти из последующих потенциальных мировых кризисов с наименьшими потерями для всех сторон.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Список литературы

1. Petzold, M. B., Bendau, A., Plag, J. et al. 2020, Risk, resilience, psychological distress, and anxiety at the beginning of the COVID-19 pandemic in Germany, *Brain and Behavior*, vol. 10, № 9. doi: <https://doi.org/10.1002/brb3.1745>.
2. Sjölander-Lindqvist, A., Larsson, S., Fava, N. et al. 2020, Communicating About COVID-19 in Four European Countries: Similarities and Differences in National Discourses in Germany, Italy, Spain, and Sweden, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/FCOMM.2020.593325>.
3. Koos, S. 2021, Die «Querdenker». Wer nimmt an Corona-Protessen teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der «Corona-Protteste» am 4.10.2020 in Konstanz, *URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz*, URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddx-o8opad0> (дата обращения: 07.05.2022).
4. Nachtwey, O., Schäfer, R., Frei, N. 2020, Politische Soziologie der Corona-proteste, *the institutional repository of the University of Basel*, URL: https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf (дата обращения: 11.05.2022).
5. El-Far Cardo, A., Kraus, T., Kaifie, A. 2021, Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany — The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (15), art. 7772. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157772>.
6. Glöckner, A. et al. 2020, The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations, *PsyArXiv*. doi: <https://doi.org/10.31234/osf.io/wdbgc>.
7. Majid, U. et al. 2020, Knowledge, (mis-)conceptions, risk perception, and behavior change during pandemics: A scoping review of 149 studies, *Public Underst. Sci*, № 29, p. 777 — 799.
8. Dryhurst, S. et al. 2020, Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res*, № 23, p. 994 — 1006.

9. Eitze, S. et al. 2021, Public trust in institutions in the first half of the Corona pandemic: Findings from the COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO) project, *Bundesgesundheitsblatt, Gesundheitsforschung, Gesundheitsschutz*, vol. 64, №3, p. 268—276. doi: <https://doi.org/10.1007/s00103-021-03279-z>.
10. Wiedemann, P., Dorl, W. 2020, Be alarmed. Some reflections about the COVID-19 risk communication in Germany, *Journal of Risk Research*, vol. 23, №7-8, p. 1036—1046. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1825984>.
11. Радина, Н.К. 2013, Власть в информационном поле природных и техногенных катастроф (по материалам документальных фильмов), *Полис. Политические исследования*, №1, с. 112—124.
12. Paek, H. J. et al. 2008, Public support for government actions during a flu pandemic: lessons learned from a statewide survey, *Health promotion practice*, vol. 9, 4 Suppl., p. 60—72. doi: <https://doi.org/10.1177/1524839908322114>.
13. Davis, M. D. M. et al. 2015, Beyond resistance: social factors in the general public response to pandemic influenza, *BMC Public Health* 15. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1756-8>.
14. Raunack-Mayer, A. et al. 2013, Understanding the school community's response to school closures during the H1N1 2009 influenza pandemic, *BMC Public Health*, №13, art. 344.
15. Dohle, S., Wingen, T., Schreiber, M. 2020, Acceptance and Adoption of Protective Measures During the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science. *PsychArchives*. doi: <https://doi.org/10.31219/osf.io/w52nv>.
16. Vardavas, C., Odanis, S., Nikitara, K. et al. 2021, Public perspective on the governmental response, communication and trust in the governmental decisions in mitigating COVID-19 early in the pandemic across the G7 countries, *Preventive Medicine Reports*, №21. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2020.101252>.
17. Zimmermann, B.M., Fiske, A., McLennan, S. et al. 2021, Motivations and Limits for COVID-19 Policy Compliance in Germany and Switzerland, *International Journal of Health Policy and Management*. doi: <https://doi.org/10.34172/IJHPM.2021.30>.
18. Hellmann, D.M., Dorough, A., Glöckner, A. 2021, Prosocial behavior during the COVID-19 pandemic in Germany. The role of responsibility and vulnerability, *Heliyon*, vol. 7, №9, art. e08041. doi: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08041>.
19. Naumann, E., Möhring, K., Reifenscheid, M. et al. 2020, COVID-19 policies in Germany and their social, political, and psychological consequences, *Eur Policy Anal.*, №6, p. 191—202. doi: <https://doi.org/10.1002/epa2.1091>.
20. Büthe, T., Messerschmidt, L., Cheng, C. 2020, Policy Responses to the Coronavirus in Germany. In: Gardini, G.L. (ed.), *The World Before and After COVID-19: Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations*, Stockholm — Salamanca, European Institute of International Studies/Instituto Europeo de Estudios Internacionales, p. 97—102, URL: <https://www.ieeiweb.eu/publications> (дата обращения: 07.05.2022).
21. Vorvereitungen und Massnahmen in Deutschland, version 1.0 (stand 04.03.2020), 2020, Ergänzung zum Nationalen Pandemieplan — COVID-19 — neuartige Coronaviruserkrankung, *Robert Koch Institute*, URL: https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Ergaenzung_Pandemieplan_Covid.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 11.05.2022).
22. Volk, S. 2021, Political Performances of Control During COVID-19: Controlling and Contesting Democracy in Germany, *Frontiers in Political Science*, №3. doi: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.654069>.
23. Schieferdecker, D. 2021, Beliefs, Attitudes, and Communicative Practices of Opponents and Supporters of COVID-19 Containment Policies: A Qualitative Case Study from Germany, *Javnost — The Public*, vol. 28, №3, p. 306—322. doi: <https://doi.org/10.1080/13183222.2021.1969620>.
24. Hodges, R., Caperchione, E., Van Helden, J. et al. 2022, The Role of Scientific Expertise in COVID-19 Policy-making: Evidence from Four European Countries, *Public Organization Review*, <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00614-z>.
25. Colman, E., Wanat, M., Goossens, H. et al. 2021, Following the science? Views from scientists on government advisory boards during the COVID-19 pandemic: a qualitative interview study in five European countries, *BMJ Global Health*, №6, art. e006928. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006928>.
26. Marten, R., El-Jardali, F., Hafeez, A. et al. 2021, Co-producing the COVID-19 response in Germany, Hong Kong, Lebanon, and Pakistan, *BMJ*, №372, art. n243. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.n243>.

27. Schumann, F., Simmank, J. 2020, Wir haben es selbst in der Hand, *Zeit Online*, 8 October, URL: www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19 (дата обращения: 15.05.2022).
28. Drescher, L. S., Roosen, J., Aue, K. et al. 2021, The Spread of COVID-19 Crisis Communication by German Public Authorities and Experts on Twitter: Quantitative Content Analysis, *JMIR Public Health Surveill*, №7 (12), art. e31834. doi: <https://doi.org/10.2196/31834>.
29. Breher, N. 2020, When the Ministry of Health sends a push message, *Tagesspiegel*. <https://www.tagesspiegel.de/politik/social-media-kommunikation-in-der-coronakrise-wenn-das-gesundheitsministerium-eine-push-nachricht-schickt/25779934.html> (дата обращения: 08.05.2022) (in Germ.).
30. Heiss, R., Waser, M., Falkenbach, M., Eberl, J.-M. 2021, How have governments and public health agencies responded to misinformation during the COVID-19 pandemic in Europe? *European Observatory on Health Systems and Policies*, URL: <https://eurohealthobservatory.who.int/monitors/hsrm/analyses/hsrm/how-have-governments-and-public-health-agencies-responded-to-misinformation-during-the-covid-19-pandemic-in-europe> (дата обращения: 07.05.2022).
31. Mikos, L. 2020, Film and Television Production and Consumption in Times of the COVID-19 Pandemic — The Case of Germany, *Baltic Screen Media Review*, №8 (1), p. 30—34. doi: <https://doi.org/10.2478/BSMR-2020-0004>.
32. Lemenager, T., Neissner, M., Koopmann, A. et al. 2020, COVID-19 Lockdown Restrictions and Online Media Consumption in Germany, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18 (1), №14. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010014>.
33. Link, E. 2021, Information avoidance during health crises: Predictors of avoiding information about the COVID-19 pandemic among German news consumers, *Information Processing & Management*, vol. 58, №6, 102714. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102714>.
34. Okan, O., de Sombre, S., Hurrelmann, K. et al. 2020, *Gesundheitskompetenz der Bevölkerung im Umgang mit der Coronavirus-Pandemie*, Bielefeld & Berlin, April 2020, URL: <https://t1.p.de/4p54> (дата обращения: 11.05.2022).
35. Zeng, J., Chan, C.-H. 2021, A cross-national diagnosis of infodemics: comparing the topical and temporal features of misinformation around COVID-19 in China, India, the US, Germany and France, *Online Information Review*, vol. 45, №4, p. 709—728. doi: <https://doi-org.proxy.library.hse.ru/10.1108/OIR-09-2020-0417>.
36. Schaefer, C., Bitzer, E. 2021, Dealing with Misinformation in Media, *Kompetenznetz Public Health COVID-19*, <https://www.public-health-covid19.de/images/2020/Ergebnisse/200526-Fake-News-V2-engl.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).
37. Hanson, C., Luedtke, S., Spicer, N. et al. 2020, National health governance, science and the media: drivers of COVID-19 responses in Germany, Sweden and the UK in 2020, *BMJ Global Health*, №6 (12), art. e006691. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006691>.
38. Mellado, C., Hallin, D., Cárcamo, L. et al. 2021, Sourcing Pandemic News: A Cross-National Computational Analysis of Mainstream Media Coverage of COVID-19 on Facebook, Twitter, and Instagram, *Digital Journalism*, vol. 9, №9, p. 1261—1285. doi: <https://doi.org/10.1080/1670811.2021.1942114>.
39. Schöning, H. 2020, Heiko Schöning Ärzte für Aufklärung Demo 29.08.2020, Berlin, *Vimeo*, URL: <https://vimeo.com/455194633> (дата обращения: 27.06.2022).
40. Wegwarth, O., Wagner, G. G., Spies, C., Hertwig, R. 2020, Assessment of German Public Attitudes Toward Health Communications With Varying Degrees of Scientific Uncertainty Regarding COVID-19, *JAMA Netw Open*, №3 (12), art. e2032335. doi: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.32335>.
41. Peschke, L. 2020, The Prevention Paradox of the COVID-19 Crisis in Germany. Science Communication in Times of Uncertainties, *CORONALOGY: Multidisciplinary Academic Analysis in Perspective of COVID-19*.
42. Starosta, K., Onete, C., Grosu, R., Doru, P. 2020, COVID-19 Mass Media Infodemic in Six European Countries, *Advance*, Preprint. doi: <https://doi.org/10.31124/advance.13333697.v1>.
43. Teufel, M., Schweda, A., Dörrie, N. 2020, Not all world leaders use Twitter in response to the COVID-19 pandemic: impact of the way of Angela Merkel on psychological distress, behaviour and risk perception, *Journal of Public Health*, vol. 42, №3, September 2020, p. 644—646. doi: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa060>.
44. Meier, K., Glatz, T., Guijt, M. C. et al. 2020, Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study, *PLoS ONE*, vol. 15, №8, art. e0236917. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917>.

45. Bittmann, F. 2021, How Trust Makes a Difference: The Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Life Satisfaction in Germany, *Applied Research Quality Life*. doi: <https://doi.org/10.1007/s11482-021-09956-0>.

46. Hangel, N., Schönweitz, F., McLennan, S. et al. 2022, Solidaristic behavior and its limits: A qualitative study about German and Swiss residents' behaviors towards public health measures during COVID-19 lockdown in April 2020, *SSM — Qualitative Research in Health*, № 2, art. 100051. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ssmqr.2022.100051>.

47. Schneider, S., Eger, J., Bruder, M. et al. 2021, Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany, *World Development*, № 140. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105356>.

48. Bertogg, A., Koos, S. 2021, Socio-economic position and local solidarity in times of crisis. The COVID-19 pandemic and the emergence of informal helping arrangements in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, № 74, art. 100612. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100612>.

49. Pfortner, T. K., Dohle, S., Hower, K. I. 2022, Trends in educational disparities in preventive behaviours, risk perception, perceived effectiveness and trust in the first year of the COVID-19 pandemic in Germany, *BMC Public Health*, vol. 22, art. 903. doi: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13341-3>.

50. Soiné, H., Kriegel, L., Dollmann, J. 2021, The impact of the COVID-19 pandemic on risk perceptions: differences between ethnic groups in Germany, *European Societies*, vol. 23, suppl. 1, p. 289—306. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1825766>.

51. Dollmann, J., Kogan, I. 2021, COVID-19-associated discrimination in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, № 74, art. 100631. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100631>.

52. Демидов, Д. Г. 2021, Инфодемия в «коммуникационном квадрате» наука — власть — СМИ — народ (Россия на фоне Германии), *Коммуникативные исследования*, № 1, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-kommunikatsionnom-kvadrate-nauka-vlast-smi-narod-rossiya-na-fone-germanii> (дата обращения: 11.05.2022).

53. Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Козлова, И. В. и др. 2020, Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, с. 231—265. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

54. Sukhankin, S. 2020, COVID-19 As a Tool of Information Confrontation: Russia's Approach (April 1, 2020), *The School of Public Policy Publications*, vol. 13, № 3, URL: <https://ssrn.com/abstract=3566689> (дата обращения: 15.05.2022).

55. Баринов, Д. Н. 2021, Медиавирусстрах: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь-июнь 2020 года), *Социодинамика*, № 2. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35066>.

56. Lukacovic, M. N. 2020, «Wars» on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.583406>.

57. Мальшева, Г. А. 2020, Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт, *Вестник Московского государственного областного университета*, № 3, с. 60—74. doi: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025>.

Об авторе

Юлия Владимировна Балакина, PhD, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: julianaumova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

COVID-19 PANDEMIC IN GERMANY: INFORMATION CAMPAIGN, MEDIA, SOCIETY

J. V. Balakina

HSE University
Bol'shaja Pecherskaja St., 25/12,
Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Received 08.06.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5
© Balakina, J. V. 2022

The COVID-19 pandemic has been a serious challenge to the entire global community. Globally, countries were forced to introduce restrictive measures to contain the infection, inevitably causing popular discontent. Germany introduced some of the most painful restrictions. In times of crisis, timely and reliable information is a prerequisite for public motivation to comply with restrictive measures. Thus, it seems essential to retrace how the German leadership tried to contain citizens' dissatisfaction with the restrictions, using information campaigns and strategies. This theoretical work aims to systematise available data on how COVID-awareness was raised in Germany, compare them with data from the Russian Federation, and identify the most successful communication strategies and weaknesses. It is clear from the findings that the channels of communication between the government and society should be diversified using all available means, and experts and opinion leaders, who are more trusted than politicians, should be recruited. In addition, there is a need to combat misinformation and dispel unproven facts. The data obtained can be of value in conducting information campaigns during future global crises.

Keywords:

COVID-19, Germany, information campaigns, media, risk communication, information policy of Russian Federation

References

1. Petzold, M. B., Bendau, A., Plag, J. et al. 2020, Risk, resilience, psychological distress, and anxiety at the beginning of the COVID-19 pandemic in Germany, *Brain and Behavior*, vol. 10, № 9. doi: <https://doi.org/10.1002/brb3.1745>.
2. Sjölander-Lindqvist, A., Larsson, S., Fava, N. et al. 2020, Communicating About COVID-19 in Four European Countries: Similarities and Differences in National Discourses in Germany, Italy, Spain, and Sweden, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/FCOMM.2020.593325>.
3. Koos, S. 2021, Die «Querdenker». Wer nimmt an Corona-Protessen teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der «Corona-Proteste» am 4.10.2020 in Konstanz, *URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz*, URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddx-o8opad0> (accessed 07.05.2022).
4. Nachtwey, O., Schäfer, R., Frei, N. 2020, Politische Soziologie der Corona-proteste, *the institutional repository of the University of Basel*, URL: https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf (accessed 11.05.2022).
5. El-Far Cardo, A., Kraus, T., Kaifie, A. 2021, Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany — The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (15), art. 7772. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157772>.
6. Glöckner, A. et al. 2020, The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations, *PsyArXiv*. doi: <https://doi.org/10.31234/osf.io/wdbgc>.

7. Majid, U. et al. 2020, Knowledge, (mis-)conceptions, risk perception, and behavior change during pandemics: A scoping review of 149 studies, *Public Underst. Sci*, № 29, p. 777—799.
8. Dryhurst, S. et al. 2020, Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res*, № 23, p. 994—1006.
9. Eitze, S. et al. 2021, Public trust in institutions in the first half of the Corona pandemic: Findings from the COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO) project, *Bundesgesundheitsblatt, Gesundheitsforschung, Gesundheitsschutz*, vol. 64, № 3, p. 268—276. doi: <https://doi.org/10.1007/s00103-021-03279-z>.
10. Wiedemann, P., Dorl, W. 2020, Be alarmed. Some reflections about the COVID-19 risk communication in Germany, *Journal of Risk Research*, vol. 23, № 7-8, p. 1036—1046. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1825984>.
11. Radina, N.K. 2013, Power in the information field of natural and anthropogenic catastrophes (on the basis of documentaries), *Polis. Political Studies*, № 1, p. 112—124 (in Russ.).
12. Paek, H. J. et al. 2008, Public support for government actions during a flu pandemic: lessons learned from a statewide survey, *Health promotion practice*, vol. 9, 4 Suppl., p. 60—72. doi: <https://doi.org/10.1177/1524839908322114>.
13. Davis, M. D. M. et al. 2015, Beyond resistance: social factors in the general public response to pandemic influenza, *BMC Public Health* 15, <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1756-8>.
14. Raunack-Mayer, A. et al. 2013, Understanding the school community's response to school closures during the H1N1 2009 influenza pandemic, *BMC Public Health*, № 13, art. 344.
15. Dohle, S., Wingen, T., Schreiber, M. 2020, Acceptance and Adoption of Protective Measures During the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science. *PsychArchives*. doi: <https://doi.org/10.31219/osf.io/w52nv>.
16. Vardavas, C., Odanis, S., Nikitara, K. et al. 2021, Public perspective on the governmental response, communication and trust in the governmental decisions in mitigating COVID-19 early in the pandemic across the G7 countries, *Preventive Medicine Reports*, № 21. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2020.101252>.
17. Zimmermann, B. M., Fiske, A., McLennan, S. et al. 2021, Motivations and Limits for COVID-19 Policy Compliance in Germany and Switzerland, *International Journal of Health Policy and Management*. doi: <https://doi.org/10.34172/IJHPM.2021.30>.
18. Hellmann, D. M., Dorrough, A., Glöckner, A. 2021, Prosocial behavior during the COVID-19 pandemic in Germany. The role of responsibility and vulnerability, *Heliyon*, vol. 7, № 9, art. e08041. doi: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08041>.
19. Naumann, E., Möhring, K., Reifenscheid, M. et al. 2020, COVID-19 policies in Germany and their social, political, and psychological consequences, *Eur Policy Anal.*, № 6, p. 191—202. doi: <https://doi.org/10.1002/epa2.1091>.
20. Büthe, T., Messerschmidt, L., Cheng, C. 2020, Policy Responses to the Coronavirus in Germany. In: Gardini, G. L. (ed.), *The World Before and After COVID-19: Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations*, Stockholm — Salamanca, European Institute of International Studies/Instituto Europeo de Estudios Internacionales, p. 97—102, URL: <https://www.ieeiweb.eu/publications> (accessed 07.05.2022).
21. Vorverteilungen und Massnahmen in Deutschland, version 1.0 (stand 04.03.2020), 2020, Ergänzung zum Nationalen Pandemieplan — COVID-19 — neuartige Coronaviruserkrankung, *Robert Koch Institute*, URL: https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Ergaenzung_Pandemieplan_Covid.pdf?__blob=publicationFile (accessed 11.05.2022).
22. Volk, S. 2021, Political Performances of Control During COVID-19: Controlling and Contesting Democracy in Germany, *Frontiers in Political Science*, № 3. doi: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.654069>.
23. Schieferdecker, D. 2021, Beliefs, Attitudes, and Communicative Practices of Opponents and Supporters of COVID-19 Containment Policies: A Qualitative Case Study from Germany, *Javnost — The Public*, vol. 28, № 3, p. 306—322. doi: <https://doi.org/10.1080/13183222.2021.1969620>.
24. Hodges, R., Caperchione, E., Van Helden, J. et al. 2022, The Role of Scientific Expertise in COVID-19 Policy-making: Evidence from Four European Countries, *Public Organization Review*, <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00614-z>.
25. Colman, E., Wanat, M., Goossens, H. et al. 2021, Following the science? Views from scientists on government advisory boards during the COVID-19 pandemic: a qualitative interview study in five European countries, *BMJ Global Health*, № 6, art. e006928. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006928>.

26. Marten, R., El-Jardali, F., Hafeez, A. et al. 2021, Co-producing the COVID-19 response in Germany, Hong Kong, Lebanon, and Pakistan, *BMJ*, № 372, art. n243. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.n243>.
27. Schumann, F., Simmank, J. 2020, Wir haben es selbst in der Hand, *Zeit Online*, 8 October, URL: www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19 (accessed 15.05.2022).
28. Drescher, L. S., Roosen, J., Aue, K. et al. 2021, The Spread of COVID-19 Crisis Communication by German Public Authorities and Experts on Twitter: Quantitative Content Analysis, *JMIR Public Health Surveill*, № 7 (12), art. e31834. doi: <https://doi.org/10.2196/31834>.
29. Breher, N. 2020, When the Ministry of Health sends a push message, *Tagesspiegel*. <https://www.tagesspiegel.de/politik/social-media-kommunikation-in-der-coronakrise-wenn-das-gesundheitsministerium-eine-push-nachricht-schickt/25779934.html> (accessed 08.05.2022) (in Germ.).
30. Heiss, R., Waser, M., Falkenbach, M., Eberl, J.-M. 2021, How have governments and public health agencies responded to misinformation during the COVID-19 pandemic in Europe? *European Observatory on Health Systems and Policies*, URL: <https://eurohealthobservatory.who.int/monitors/hsmr/analyses/hsmr/how-have-governments-and-public-health-agencies-responded-to-misinformation-during-the-covid-19-pandemic-in-europe> (accessed 07.05.2022).
31. Mikos, L. 2020, Film and Television Production and Consumption in Times of the COVID-19 Pandemic — The Case of Germany, *Baltic Screen Media Review*, № 8 (1), p. 30—34. doi: <https://doi.org/10.2478/BSMR-2020-0004>.
32. Lemenager, T., Neissner, M., Koopmann, A. et al. 2020, COVID-19 Lockdown Restrictions and Online Media Consumption in Germany, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18 (1), № 14. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010014>.
33. Link, E. 2021, Information avoidance during health crises: Predictors of avoiding information about the COVID-19 pandemic among German news consumers, *Information Processing & Management*, vol. 58, № 6, 102714. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102714>.
34. Okan, O., de Sombre, S., Hurrelmann, K., Berens, E. M., Schaeffer, D. 2020, *Gesundheitskompetenz der Bevölkerung im Umgang mit der Coronavirus-Pandemie*, Bielefeld & Berlin, April 2020, URL: <https://t1p.de/4p54> (accessed 11.05.2022).
35. Zeng, J., Chan, C.-H. 2021, A cross-national diagnosis of infodemics: comparing the topical and temporal features of misinformation around COVID-19 in China, India, the US, Germany and France, *Online Information Review*, vol. 45 № 4, p. 709—728. doi: <https://doi-org.proxy.library.hse.ru/10.1108/OIR-09-2020-0417>.
36. Schaefer, C., Bitzer, E. 2021, Dealing with Misinformation in Media, *Kompetenznetz Public Health COVID-19*, <https://www.public-health-covid19.de/images/2020/Ergebnisse/200526-Fake-News-V2-engl.pdf> (accessed 15.05.2022).
37. Hanson, C., Luedtke, S., Spicer, N. et al. 2020, National health governance, science and the media: drivers of COVID-19 responses in Germany, Sweden and the UK in 2020, *BMJ Global Health*, № 6 (12), art. e006691. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006691>.
38. Mellado, C., Hallin, D., Cárcamo, L. et al. 2021, Sourcing Pandemic News: A Cross-National Computational Analysis of Mainstream Media Coverage of COVID-19 on Facebook, Twitter, and Instagram, *Digital Journalism*, vol. 9, № 9, p. 1261—1285. doi: <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1942114>.
39. Schöning, H. 2020, Heiko Schöning Ärzte für Aufklärung Demo 29.08.2020, Berlin, *Vimeo*, URL: <https://vimeo.com/455194633> (accessed 27.06.2022).
40. Wegwarth, O., Wagner, G. G., Spies, C., Hertwig, R. 2020, Assessment of German Public Attitudes Toward Health Communications With Varying Degrees of Scientific Uncertainty Regarding COVID-19, *JAMA Netw Open*, № 3 (12), art. e2032335. doi: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.32335>.
41. Peschke, L. 2020, The Prevention Paradox of the COVID-19 Crisis in Germany. Science Communication in Times of Uncertainties, *CORONALOGY: Multidisciplinary Academic Analysis in Perspective of COVID-19*.
42. Starosta, K., Onete, C., Grosu, R., Doru, P. 2020, COVID-19 Mass Media Infodemic in Six European Countries, *Advance*, Preprint. <https://doi.org/10.31124/advance.13333697.v1>.
43. Teufel, M., Schweda, A., Dörrie, N. 2020, Not all world leaders use Twitter in response to the COVID-19 pandemic: impact of the way of Angela Merkel on psychological distress, behaviour and risk perception, *Journal of Public Health*, vol. 42, № 3, September 2020, p. 644—646. doi: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa060>.

44. Meier, K., Glatz, T., Guijt, M. C. et al. 2020, Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study, *PLoS ONE*, vol. 15, №8, art. e0236917. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917>.
45. Bittmann, F. 2021, How Trust Makes a Difference: The Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Life Satisfaction in Germany, *Applied Research Quality Life*. doi: <https://doi.org/10.1007/s11482-021-09956-0>.
46. Hangel, N., Schönweitz, F., McLennan, S. et al. 2022, Solidaristic behavior and its limits: A qualitative study about German and Swiss residents' behaviors towards public health measures during COVID-19 lockdown in April 2020, *SSM — Qualitative Research in Health*, №2, art. 100051. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ssmqr.2022.100051>.
47. Schneider, S., Eger, J., Bruder, M. et al. 2021, Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany, *World Development*, №140. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105356>.
48. Bertogg, A., Koos, S. 2021, Socio-economic position and local solidarity in times of crisis. The COVID-19 pandemic and the emergence of informal helping arrangements in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, №74, art. 100612. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100612>.
49. Pfortner, T. K., Dohle, S., Hower, K. I. 2022, Trends in educational disparities in preventive behaviours, risk perception, perceived effectiveness and trust in the first year of the COVID-19 pandemic in Germany, *BMC Public Health*, vol. 22, art. 903. doi: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13341-3>.
50. Soiné, H., Kriegel, L., Dollmann, J. 2021, The impact of the COVID-19 pandemic on risk perceptions: differences between ethnic groups in Germany, *European Societies*, vol. 23, suppl. 1, p. 289—306. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1825766>.
51. Dollmann, J., Kogan, I. 2021, COVID-19-associated discrimination in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, №74, art. 100631. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100631>.
52. Demidov, D. G. 2021, Infodemic in the «communication square» science — power — media — people (Russia against the background of Germany), *Kommunikativnye issledovaniya*, №1, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-kommunikatsionnom-kvadrante-nauka-vlast-smi-narod-rossiya-na-fone-germanii> (accessed 11.05.2022) (in Russ.).
53. Arkhipova, A. S., Radchenko, D. A., Kozlova, I. V. et al. 2020, Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change Journal (Public Opinion Monitoring)*, №6, p. 231—265. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (in Russ.).
54. Sukhankin, S. 2020, COVID-19 As a Tool of Information Confrontation: Russia's Approach (April 1, 2020), *The School of Public Policy Publications*, vol. 13, №3, URL: <https://ssrn.com/abstract=3566689> (accessed 15.05.2022) (in Russ.).
55. Barinov, D. N. Media virus of fear: the peculiarities of representation of COVID-19 pandemic by the Russian media during the first wave (January — June 2020), *Sociodynamics*, №2, p. 73—86. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35066> (in Russ.).
56. Lukacovic, M. N. 2020, “Wars” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *Frontiers in Communication*, №5. doi: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.583406>.
57. Malysheva, G. A. 2020, Socio-political aspects of the pandemic in the digital network society: the russian experience, *Bulletin of Moscow Region State University*, №3, p. 60—74. doi: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025> (in Russ.).

The author

Dr. Julia V. Balakina, Higher School of Economics University, Russia.

E-mail: julianaumova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

